

М.М. Филиппов

Популярные лекции для самообразования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

М11 **М.М. Филиппов**
Популярные лекции для самообразования / М.М. Филиппов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 182 с.

ISBN 978-5-458-54346-0

ISBN 978-5-458-54346-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛОГИКА.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Предметъ и цѣли логики.—Образованіе общихъ представленій и понятій.

Не смотря на свою почтенную древность, логика принадлежитъ къ числу наукъ, предметъ которыхъ понимается разными мыслителями не одинаково; такое же разногласіе существуетъ и относительно *цѣлей* логики.

Мы опредѣлимъ логику, какъ науку, *ислѣдующую самыя общія способности отысканія истины*. Этимъ мы сразу устраняемъ ту точку зрѣнія, по которой отъ логическаго мышленія требуется лишь формальная *последовательность* выводовъ, при чемъ совершенно оставляется безъ вниманія, прочны-ли основы, изъ которыхъ выходятъ эти выводы. Логика не есть только формальная наука, довольствующаяся тѣмъ, чтобы въ нашемъ мышленіи была чисто внѣшняя связность: она должна требовать, чтобы формы вмѣщали въ себѣ лишь дѣйствительно пригодное содержаніе и чтобы мышленіе не превращалось въ пустую игру. Указывая пути, ведущіе къ истинѣ, она важна также, какъ критика заблужденія.

Логика не чисто формальная наука.

Источники человѣческихъ заблужденій весьма разнообразны. Весьма серьезныя ошибки могутъ проистекать изъ обмановъ чувствъ, галлюцинацій, душевныхъ расстройствъ. Другими источниками заблужденій являются предразсудки, суевѣрія, сильныя аффекты. Мы предположимъ, что все источники, дѣлающіе мышленіе ненормальнымъ, по возможности устранены, и что мысль приняла возможно болѣе спокойное теченіе. Но и въ этомъ предположеніи возможны ошибки, частью отъ невѣрнаго установленія основныхъ началъ, частью отъ неправильныхъ выводовъ изъ вполне точныхъ и вѣрныхъ данныхъ. Каждый знаетъ изъ своего собственнаго и изъ чужого опыта примѣры неправильныхъ разсужденій, въ которыхъ ошибка зависитъ или отъ невѣрныхъ допущеній, или отъ ошибочныхъ выводовъ.

Чтобы показать различіе между правильнымъ и неправильнымъ разсужденіемъ и выяснитъ природу логическихъ ошибокъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Жители нѣкоторыхъ полинезійскихъ острововъ, на которыхъ не было другихъ млекопитающихъ, кромѣ свиней и крысъ, увидѣвъ въ первый разъ привезенную европейцами лошадь, рѣшили, что это „быстроногая свинья“ особой породы. По своему они разсуждали вполне правильно. Лошадь, во всякомъ случаѣ, болѣе похожа на свинью, чѣмъ на крысу, и, не имѣя другого мѣрила для сравненія, дикари вполне разумно, т. е., съ своей точки зрѣнія, логично причислили лошадь къ свиньямъ—животнымъ, которыя, въ предѣлахъ узкаго кругозора этихъ дикарей, дѣйствительно, болѣе походили на свиней, чѣмъ на крысъ, а тѣмъ

болѣе на птицъ или на рыбъ. Это, стало быть, было сужденіе, неправильное лишь съ болѣе широкой точки зрѣнія.

Для того, чтобы лучше усмотрѣть различіе между правильнымъ и неправильнымъ разсужденіемъ, выберемъ примѣры изъ элементарной математики. Пусть кто-либо, имѣя пятнадцать копѣекъ въ карманѣ, встрѣтитъ двухъ разносчиковъ, изъ которыхъ у одного осталось въ корзинѣ десять яблоковъ, а у другого пять, причемъ каждый проситъ по копѣйкѣ за яблоко. Имѣющій пятнадцать копѣекъ высказываетъ положеніе: я могу купить у обонхъ разносчиковъ весь ихъ остатокъ. Правильно, ли его утвержденіе? Для умѣющаго считать—„очевидно“, что оно правильно, такъ какъ у обонхъ разносчиковъ вмѣстѣ десять да пять, т. е. пятнадцать яблокъ, а у покупателя столько же копѣекъ и, по условію, яблоко продается по копѣйкѣ. Выводъ неизбежно навязывается уму каждаго, кто полагаетъ такое не хитрое математическое разсужденіе.

Приведемъ теперь обратный примѣръ—неправильнаго разсужденія. Пусть кто-либо вздумалъ оклеить коробку, имѣющую видъ куба, со всѣхъ сторонъ цвѣтной бумагой и, скажемъ, на оклейку пошелъ ровно листъ цвѣтной бумаги. Пусть теперь имѣется коробка такой же кубической формы, но вдвое большей высоты. Разсуждая опрометчиво, можно было бы вообразить, что понадобятся два листа цвѣтной бумаги прежняго формата. Оклеивъ половину граней коробки, легко, однако, убѣдиться, что только на это пойдутъ два листа. Увидѣвъ свою ошибку, оклеивавшій коробку легко придетъ къ выводу, подсказываемому элементарною геометрией. Онъ прежде всего убѣдится въ томъ, что квадратъ вдвое большей высоты содержитъ ровно четыре, а не два прежнихъ квадрата; стало быть, грани новаго куба будутъ вчетверо больше прежнихъ, а такъ какъ число ихъ по прежнему равно шести, то понадобится не вдвое, а вчетверо болѣе бумаги, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Общеобязательность.

Является вопросъ, можно-ли сказать, что разсужденіе, относящееся къ яблокамъ, общеобязательно для всѣхъ людей или даже для всѣхъ способныхъ разсуждать существъ, и что, такимъ же образомъ, ошибка, сдѣланная человекомъ, оклеивавшимъ коробку, по обнаруженіи ея, станетъ очевидною для всѣхъ людей?

Многіе писатели, разсуждавшіе о логикѣ, очень злоупотребляли словомъ „общеобязательный“. Нѣкоторые изъ нихъ употребляли даже такіа возвышенныя выраженія, какъ „трансцендентальное сознаніе“, желая этимъ обозначить какое-то сознаніе, логически предшествующее сознанію и даже бытію отдѣльныхъ людей — и такому-то сознанію они придавали главную или даже исключительную роль въ логикѣ.

Но и такая истина, какъ „дважды два четыре“, не обязательна, т. е. недоступна и непонятна для того, кто вовсе не умѣетъ считать, а въ этомъ положеніи находятся, напр., многіе идіоты и всѣ дѣти ниже извѣстнаго возраста, хотя бы изъ этихъ дѣтей вышли въ будущемъ новые Ньютоны. Когда мы будемъ говорить объ общеобязательныхъ истинахъ, то всегда будемъ при этомъ подразумевать извѣстный минимумъ умственного развитія. Какъ ни проста та истина, что квадратъ двойной высоты имѣетъ четверную площадь, однако, она усваивается не сразу. Можно также встрѣтить не мало людей, даже изъ числа такъ называемыхъ образованныхъ, которые очень удивляются тому, что двухпудовая гиря въ вышину или въ обхватѣ не вдвое болѣе пудовой гири такой же формы; они еще болѣе удивятся, если имъ сказать, что гиря такихъ размѣровъ, какихъ имъ бы хотѣлось видѣть, была бы не въ два, а въ восемь разъ тяжелѣе малой гири. Общеобязательность вывода и убѣдительность разсужденія слѣдуетъ признать лишь въ томъ смыслѣ, что, если кто-либо дѣйствительно *понялъ* смыслъ какого-либо логическаго разсужденія, то онъ не можетъ уже произвольно отвергать его или принимать: истина навязывается уму съ непреодолимою силою, разъ она дѣйствительно усмотрѣна. Но способность усмотрѣть истину далеко не одинакова у разныхъ

людей. Общеобязательность логических законовъ есть, поэтому, не что-либо фактическое, а лишь идеальное требованіе, основанное на предположеніи, что всѣ люди равны между собою въ умственномъ отношеніи, т. е. что „истина“ равно всѣмъ понятна.

Предыдущіе примѣры правильныхъ и неправильныхъ разсужденій были **Логика и математика.** заимствованы изъ математическихъ наукъ. Съ точно такимъ же правомъ мы могли бы заимствовать ихъ изъ любыхъ отраслей знанія. Логика, какъ общая наука о правильномъ мышленіи, вправѣ заимствовать свои примѣры изъ всѣхъ специальныхъ наукъ. Не трудно, однако, видѣть ея особую близость къ математикѣ. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ иногда, что примѣры, признаваемые образчиками чисто логическихъ разсужденій, въ сущности могутъ быть цѣликомъ отнесены и къ чистой математикѣ.

Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Предположимъ, что намъ извѣстно, какимъ бы то ни было образомъ, что въ данной кучѣ шариковъ большинство принадлежатъ къ числу деревянныхъ, а остальные сдѣланы изъ какого-нибудь иного вещества или изъ разныхъ иныхъ матеріаловъ, однимъ словомъ—недеревянные. Допустимъ, что мы знаемъ точно также, что въ той же кучѣ большинство шариковъ краснаго цвѣта. Можемъ-ли мы вывести отсюда что-либо касательно совпаденія того или иного матеріала съ тѣмъ или инымъ цвѣтомъ? Мгновенное размышленіе покажетъ, что навѣрное нѣкоторые шарикѣ въ нашей кучѣ должны быть одновременно и деревянными и красными, т. е. выводъ будетъ: нѣкоторые деревянные (шарикѣ) красны. Дѣйствительно, если бы ни одинъ деревянный шарикъ не былъ краснымъ, то, такъ какъ деревянные составляютъ большинство, на долю красныхъ осталось бы только меньшинство; а это противорѣчитъ тому предположенію, что красные шарикѣ должны быть въ большинствѣ. Если вмѣсто шариковъ мы возьмемъ вообще какія бы то ни было вещи А, вмѣсто признака „деревянный“ возьмемъ какой угодно признакъ В, а вмѣсто признака „красный“ какой угодно признакъ С, то получимъ такимъ же образомъ два условія: большинство А суть В и большинство А суть С; откуда послѣдуетъ выводъ, что нѣкоторые А должны быть въ одно и то же время и В и С, или, выражая то же болѣе сокращенно, нѣкоторые В должны быть С.

Не трудно показать, что это разсужденіе имѣетъ вполне математическій характеръ, такъ какъ оно касается чисто количественныхъ отношеній, хотя и выраженныхъ въ логическомъ примѣрѣ неопредѣленно, помощью такихъ словъ, каковы „большинство“ и „нѣкоторые“. Выраженіямъ этимъ можно придать и вполне опредѣленный, именно алгебраическій характеръ ¹⁾. Для простоты, однако, мы приведемъ здѣсь чисто арифметическій примѣръ. Пусть всѣхъ вообще А (въ нашемъ примѣрѣ это шарикѣ) будетъ 70, всѣхъ В—(въ нашемъ примѣрѣ это деревянные шарикѣ)—50 и всѣхъ С (въ нашемъ примѣрѣ это красные шарикѣ)—40. Тогда, допустивъ даже—что всѣ не-В суть С, напр. всѣ не деревянные шарикѣ (а ихъ всѣхъ 20), краснаго цвѣта, мы сдѣлаемъ предположеніе, наименѣе выгодное для совпаденія у однихъ и тѣхъ же вещей (шариковъ) признаковъ В и С, напр. „деревянный“ и „красный“.—Допустивъ это, мы видимъ, что остается еще двадцать вещей А съ признакомъ С (шариковъ краснаго цвѣта), которые не могутъ быть не-В (не деревянными), такъ какъ эти послѣдніе уже заняты; стало быть, эти двадцать вещей А (шариковъ) должны быть В (деревянными). Т. е. минимумъ 20 шариковъ должны совмѣщать въ себѣ признака: красный и деревянный; словомъ, минимумъ 20 деревянныхъ должны быть краснаго цвѣта.

¹⁾ Пусть вообще имѣемъ a вещей А, изъ нихъ большинство, именно b имѣютъ признакъ В и также большинство, именно c , имѣютъ признакъ С. Тогда увидимъ, что $a-b$ вещей А будутъ не В. Пусть $a-c$ этихъ $a-b$ вещей будутъ С. Тогда остается $c-(a-b)=b+c-a$ вещей А, которые будутъ сразу В и С.

Не трудно видѣть, что арифметическое, и особенно алгебраическое, обозначеніе имѣютъ значительныя преимущества надъ простымъ словеснымъ обозначеніемъ. Словесное выраженіе рѣшенія нашей логической задачи страдало значительною неопредѣленностью: слова „большинство“, „нѣкоторые“ не внушаютъ такихъ ясныхъ представленій, какъ математическія формулы. Впрочемъ, присмотрѣвшись ближе, не трудно видѣть, что довольно неясное слово „большинство“ безъ труда можетъ быть замѣнено болѣе опредѣленнымъ терминомъ: „болѣе половины“, и точно также слово „нѣкоторые“ можетъ получить болѣе точное количественное опредѣленіе, если мы замѣнимъ его словомъ: „не менѣе одного“, или—„по крайней мѣрѣ одинъ“. Тѣмъ не менѣе, преимущества алгебраическаго обозначенія бросаются въ глаза, если мы попытаемся, безъ помощи этого обозначенія, сразу отвѣтить на вопросъ, возможно-ли удовлетворить рѣшенію нашей задачи такимъ образомъ, чтобы только *одинъ* шарикъ былъ одновременно краснымъ и деревяннымъ? Условія задачи таковы, что число шариковъ есть любое натуральное число и нѣтъ никакихъ ограниченій на счетъ того, какое именно большинство, напр., сколько процентовъ, представляютъ изъ себя какъ красные, такъ и деревянные шарики. Стоитъ выразить условія задачи алгебраически, чтобы тотчасъ дать вѣрное рѣшеніе, которое, однако, такъ легко, что мы предоставляемъ его читателю. Чисто же словесный отвѣтъ: „нѣкоторые деревянные шарики должны быть вмѣстѣ и красными“ ровно ничего не говоритъ относительно того, можно ли подъ словомъ „нѣкоторые“ подразумѣвать также только *одинъ* шарикъ, или же шариковъ, совмѣщающихъ оба признака, должно быть, по малой мѣрѣ, *два*.

Всѣ наши предыдущіе примѣры относились къ области математическихъ разсужденій. Даже примѣръ, который многіе логики сочли бы типическимъ примѣромъ чисто логической задачи, оказался въ сущности вопросомъ математическаго характера. Изъ этого послѣдняго примѣра уже можно было бы заключить о тѣсной связи между логикой и математикой. Эта связь обнаружится, однако, ясно лишь тогда, когда мы будемъ говорить о математическихъ обозначеніяхъ въ самой логикѣ.

Психологія и
логика.

Примыкая, по своимъ обозначеніямъ, а частью и по методамъ, къ математикѣ, логика, съ другой стороны, находится въ тѣсной связи съ психологіей. Сама по себѣ она не занимается изслѣдованіемъ происхожденія нашего мышленія: это дѣло психологін. Но въ виду того, что вопросъ о происхожденіи мысли далеко не безразличенъ при изученіи готовыхъ продуктовъ мысли, невозможно отдѣлить логику отъ психологін тою китайскою стѣною, какую ставятъ между этими науками нѣкоторые изслѣдователи. Мы начнемъ какъ разъ съ соображеній, которыя стоятъ на пограничной чертѣ между логикой и психологіей.

Наиболѣе элементарный актъ нашего сознанія представляетъ собою актъ сознанія нѣкоторой переменны, т. е. перехода отъ одного состоянія къ другому. Опытъ показываетъ, что продолжительное однообразное состояніе перестаетъ нами сознаваться: такъ, напр., кто впервые переѣзжаетъ изъ деревни въ шумный городъ, тотъ первоначально испытываетъ нѣкоторыя неудобства отъ уличнаго шума — не можетъ спать или заниматься; но постоянный городской житель перестаетъ замѣчать этотъ шумъ и долженъ нарочно обратить на него вниманіе, чтобы его замѣтить. Смѣна одного какого-либо воспріятія другимъ испытывается, какъ сознаніе нѣкоторой переменны, даже въ томъ случаѣ, когда новое воспріятіе совершенно сходно съ прежнимъ во всемъ, исключая времени испытыванія. Каждый новый звукъ отъ боя часовъ мы сознаемъ, какъ новое звуковое воспріятіе, хотя бы звукъ былъ по высотѣ, тембру, продолжительности и напряженію совершенно сходенъ съ прежнимъ. Переходя отъ одного листа бумаги къ другому, точно также окрашенному, мы, несмотря на сознаніе полного сходства зрительнаго воспріятія, отличаемъ оба наши воспріятія одного и того же цвѣта, какъ два раздѣльныя, отдѣленные промежуткомъ времени, а въ данномъ случаѣ и про-

страстно раздѣльными зрительныя воспріятія; пространственная раздѣльность, впрочемъ, и тутъ не играетъ существенной роли, такъ какъ, если бы мы смотрѣли въ два разныхъ момента времени, отдѣленныхъ какими-нибудь другими воспріятіями (скажемъ, отдѣльнымъ промежуткомъ, когда мы закрыли глаза), и если бы мы два раза взглянули на одинъ и тотъ же листъ красной бумаги, то все же воспріятіе краснаго цвѣта раздѣлилось бы у насъ на два различныхъ по времени, хотя и тождественныхъ по качеству, воспріятія. Если два воспріятія различаются между собою только по времени, т. е. по эпохѣ пребыванія ихъ въ сознаніи, то такіа два воспріятія называются тождественными: при этомъ само собою подразумѣвается, что именно различіе времени не принято во вниманіе. Двухъ одновременныхъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ сходныхъ воспріятій не можетъ быть. Если мы возьмемъ два листа бумаги одинаковаго—скажемъ, голубого—цвѣта и, раздѣливъ ихъ какимъ-либо промежуткомъ, т. е. держа отдѣльно или наклеивъ такъ, чтобы между ними былъ промежутокъ другого цвѣта, будемъ ихъ затѣмъ разсматривать, то получимъ два отдѣльныхъ воспріятія; но если мы склеимъ ихъ такъ, чтобы промежутокъ между ними совсѣмъ не былъ замѣтенъ, то, правда, листъ бумаги удвоится, но собственно впечатлѣніе голубого цвѣта—единственное, здѣсь насъ интересующее—будетъ дано теперь одною связною поверхностью, т. е. мы получимъ теперь лишь одно воспріятіе голубого цвѣта, а не два тождественныхъ воспріятія. Вслѣдствіе увеличенія окрашенной поверхности, оно будетъ нѣсколько инымъ, чѣмъ раньше отъ одного листа, но все же оно будетъ однимъ, а не двумя. Если два воспріятія не тождественны, но значительно близки къ тождеству, то ихъ называютъ сходными. Однако, если уже сознаніе тождества требуетъ предварительнаго сознанія раздѣльности двухъ или болѣе воспріятій, то само собою очевидно, что сознаніе сходства еще въ большей мѣрѣ требуетъ сознанія нѣкотораго различія, и не только во времени, но и въ качествѣ воспринимаемаго.

Сознаніе полного тождества двухъ воспріятій возможно лишь въ силу ограниченности нашей способности различенія. Разсматривая двѣ начерченныя на бумагѣ прямыя линіи, различающіяся своею длиною—скажемъ, менѣе, чѣмъ на сотую часть миллиметра—самый опытный глазъ не будетъ въ состояніи, безъ помощи микроскопа, убѣдиться въ томъ, что длины этихъ отрѣзковъ не равны. Не вооруженному глазу такіе два отрѣзка представляются абсолютно равными. Точно также, самый тонкій слухъ не способенъ различить высоту двухъ звуковъ, отличающихся между собою — скажемъ, на сотую часть тона.

т. е. относящихся къ какому-либо единичному предмету, путемъ *соединенія* частныхъ представлений, при чемъ отбрасываются различные признаки съ сохраненіемъ общихъ. Такъ, общее представленіе о деревѣ есть будто бы итогъ представлений о тѣхъ или иныхъ индивидуальных деревьяхъ, причемъ сохранены лишь тѣ черты, которыя общи всѣмъ когда-либо представлявшимся намъ деревьямъ. Съ этой точки зрѣнія представленіе „деревя вообще“ есть поздній, вторичный продуктъ, по сравненію съ представленіемъ того или иного индивидуальнаго дуба, липы, ясеня и т. д. На первый взглядъ, эта теорія подтверждается и тѣмъ, что допускаютъ нѣкоторые филологи относительно названій, утверждая, что, напр., названіе дерева вообще вырабатывается позднѣе, чѣмъ названія дуба или липы.

Вспомнимъ, однако, хотя бы ходъ умственнаго развитія нашихъ дѣтей. Ребенокъ первоначально не отличаетъ сколько-нибудь ясно чужихъ мужчинъ другъ отъ друга, различая ихъ только отъ близкихъ людей, и называетъ безразлично всякаго мужчину дядей, а женщину—тетей. Даже взрослые могутъ провѣрить на себѣ предшествованіе общихъ представлений, а вмѣстѣ съ ними и названій — частнымъ. Такъ напр., впервые прибывъ въ какую-либо страну, жители которой значительно отличаются отъ насъ самихъ, напр., въ Китай, мы сначала поражаемся изумительнымъ сходствомъ между всѣми жителями, мы едва различаемъ одного китайца отъ другого и готовы смѣнать ихъ лица: да и имена ихъ всѣ какъ будто на одинъ ладъ. По мѣрѣ того, какъ мы присматриваемся къ отдѣльнымъ китайцамъ, мы начинаемъ подмѣчать и цѣнить индивидуальные различія, а знакомясь съ звуками ихъ рѣчи, начинаемъ отличать и ихъ имена. Или другой примѣръ: пастухъ различаетъ каждую корову, даже каждую овцу въ своемъ стадѣ, тогда какъ непривычный глазъ замѣчаетъ лишь болѣе рѣзкія различія. Всѣ эти примѣры показываютъ, что общее не слѣдуетъ за частнымъ, а предшествуетъ ему, и что частное не соединяется въ общее, а выдѣляется изъ общаго путемъ узнаванія новыхъ различій.

Съ другой стороны, этому противорѣчить, повидимому, слѣдующее: наши чувственные воспріятія, изъ воспроизведенія которыхъ вырабатываются наши представленія, получаются не какъ нѣчто общее, а какъ единичное, хотя и могутъ слѣваться съ воспоминаніями о прежнихъ воспріятіяхъ. Если я воспринимаю голубой цвѣтъ этого листа бумаги, то воспринимаю не голубой цвѣтъ вообще, а именно этотъ опредѣленный цвѣтъ такого-то оттѣнка и напряженности, на такой-то поверхности. Если я вижу овцу, то вижу не овцу вообще, а эту опредѣленно окрашенную фигуру съ такими-то опредѣленными очертаніями.

Сопоставляя этотъ индивидуальный характеръ воспріятія, а слѣдовательно и всякаго представленія, поскольку оно воспроизводитъ тѣ или иные чувственные воспріятія, съ тѣмъ, что было сказано объ отношеніи общихъ представлений къ частнымъ, мы придемъ, однако, къ слѣдующему выводу, устраняющему противорѣчіе. Общія представленія первоначально отличаются бѣдностью своего содержанія; они возникаютъ, какъ результатъ ограниченности нашего опыта и вообще мышленія, — какъ результатъ неспособности усматривать тѣ или иные специфическія и индивидуальные различія. Сравнимъ отношеніе ботаника къ растительнымъ видамъ съ отношеніемъ профана. Для профана всѣ виды, напр., лютика, представляются почти одинаковыми; самое большее, что ему бросится въ глаза—это нѣкоторыя различія въ окраскѣ цвѣтовъ (желтые или бѣлые) и въ формѣ листьевъ; а между тѣмъ въ одной только среднейрусской флорѣ ботаникъ различаетъ не менѣе 20 видовъ рода лютикъ (*Ranunculus*).

Возникнувъ первоначально на почвѣ скудности мышленія, тѣ или иные представленія, для первичной эпохи своего возникновенія, не имѣютъ характера общности. Общность они получаютъ позднѣе, именно тогда, когда эти первоначальныя представленія начинаютъ расчленяться, благодаря усиленію способности

различенія. Пока для меня всё китайцы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, я имѣю не общее представленіе о китайцахъ, а совершенно такое же скудное и смутное представленіе, какъ если бы я видѣлъ только одного китайца и притомъ видѣлъ поверхностно, такъ какъ если бы я достаточно изучилъ его индивидуальныя черты, то не могъ бы смѣшивать его съ другими китайцами. Но мало-по-малу я начинаю усматривать различія, хотя продолжаю сознать и сходства: тогда образуется общее представленіе о китайцѣ, въ которомъ остаются черты сходства всѣхъ китайцевъ. Отсюда видно, что процессъ комбинирования сходныхъ чертъ не слѣдуетъ понимать такъ, что будто съ самаго начала мы усматривали множество индивидуальных различій, въ которыхъ путались отъ богатства впечатлѣній, а затѣмъ стали усматривать существенныя сходства. На самомъ дѣлѣ происходитъ слѣдующее: сначала мы вовсе не замѣчали многихъ различій; но только усмотрѣвъ ихъ, мы получили возможность ясно сознать разныя степени сходства. Другими словами: для того, чтобы образовать какое бы то ни было общее представленіе, необходимо первоначально ясно усмотрѣть нѣкоторыя различія между вещами, прежде нами недостаточно различавшимися или даже принимавшимися за тождественныя. Усматривая тѣ или нныя различія, мы тѣмъ самымъ рѣже прежняго отгнѣяемъ какъ разъ тѣ сходства, которыя составляютъ самое существенное для разсматриваемыхъ вещей. Мы увидимъ далѣе, что именно это подчеркиваніе важнѣйшихъ признаковъ является самымъ существеннымъ въ дѣлѣ образованія еще болѣе сложныхъ продуктовъ нашей мысли, называемыхъ понятіями.

Когда я составляю общее представленіе—скажемъ, о китайцѣ—въ это представленіе входятъ всё тѣ черты сходства, которыя замѣчены мною у всѣхъ, когда-либо видѣнныхъ мною (хотя бы на картинкѣ) китайцевъ; но самое это представленіе никакъ не есть представленіе „китайца вообще“, потому что воспріятія и ихъ уметвенныя воспроизведенія, т. е. представленія, всегда относятся къ индивидуальнымъ вещамъ. Нѣтъ возможности представить себѣ мысленно „столъ вообще“. Я могу воспроизвести въ мысляхъ лишь какой-нибудь индивидуальный столъ, а никакъ не такой, который былъ бы въ одно и то же время, скажемъ, треногимъ и о четырехъ ножкахъ. Мое общее представленіе о столѣ состоитъ лишь въ томъ, что, подмѣтивъ черты сходства у всѣхъ столовъ, напр., то обстоятельство, что всякій столъ состоитъ существенно изъ верхней доски и ножекъ, я добавляю сюда произвольно тѣ или нныя индивидуальные черты, напр., число ножекъ, равное четыремъ, присутствіе, скажемъ, пяти ящиковъ, черную окраску. Стараясь мыслить о „столѣ вообще“, я всегда представляю себѣ тотъ или иной индивидуальный столъ, созная, однако, что добавленныя мною индивидуальные особенности могутъ быть замѣнены и другими безъ ущерба для существенной части представленія. Но какъ только я дошелъ до того, что составилъ себѣ общее представленіе, въ которомъ одни элементы сознаются какъ существенныя, и другіе какъ случайныя, добавляемые лишь для того, чтобы вообще стало возможнымъ представить себѣ что-нибудь, я тѣмъ самымъ получилъ всё необходимые элементы понятія. Та совокупность свойствъ, которая была выдѣлена мною, какъ существенно-необходимая, въ отличіе отъ случайныхъ добавленій, и образуетъ мое *понятіе* о столѣ. Отсюда видно, что реально представить себѣ или даже изобразить самое понятіе совершенно невозможно: его можно только пояснить при помощи представленія, имѣющаго

Понятія.

даже въ непосредственномъ воспріятіи и, въ сущности, радикально отъ нихъ отличающіеся. Такъ, напр., понятіе силы само по себѣ недоступно никакому представленію, какъ и входящія въ него понятія величины и направленія; но можно начертить на доскѣ или представить себѣ мысленно прямую линію, зная, что въ *понятіе* прямой, какъ и въ понятіе силы, входятъ величина и направленіе; и помощью чувственнаго образа прямой линіи можно символически, т. е. совершенно условно, изображать всѣ вообще понятія, въ которыя входятъ тѣ же два элемента,—т. е. величина и направленіе, каковы бы ни были другіе элементы этихъ понятій. Такимъ образомъ, помощью отрѣзковъ такъ или иначе направленныхъ прямыхъ линій мы изображаемъ силы, скорости, моменты, количества движенія и т. д.

Развитое нами ученіе объ образованіи общихъ представлений и понятій по результатамъ сходно съ тѣмъ, которое выработано Вундтомъ въ его „Логикѣ“, по основанію, изъ которыхъ мы исходимъ, и способы доказательствъ нѣсколько иные. Такъ какъ этотъ вопросъ обладаетъ капитальнымъ значеніемъ для логики, въ которой понятія играютъ роль такихъ же основныхъ элементовъ, какими являются, напр., въ механикѣ силы, то мы считаемъ уместнымъ изложить здѣсь вкратцѣ и разсужденія Вундта; кромѣ того, мы скажемъ нѣсколько словъ и о воззрѣніяхъ Зигварта.

Въ прежнее время, когда господствовала теорія рѣзко раздѣленныхъ душевныхъ способностей, на которыя смотрѣли, какъ на какія-то отдѣльныя силы, происхожденіе понятій описывалось такимъ образомъ: человѣкъ обладаетъ будто бы двумя рѣзко различающимися между собою способностями, а именно—чувственною и разсудочною. Чувственность доставляетъ матеріалъ въ видѣ ощущеній, которыя сами по себѣ не образуютъ мысли, хотя изъ нихъ создаются представленія. Этотъ матеріалъ упорядочивается и обрабатывается разсудкомъ, который соединяетъ общее, заключающееся въ единичныхъ представленіяхъ, отбрасывая различное; такимъ образомъ, отвлекаясь отъ различій, разсудокъ создаетъ, путемъ такого отвлеченія, то, что называется понятіемъ. Эмпирическая психологія пыталась дать иное объясненіе, а именно вывести понятія изъ непосредственнаго вліянія отдѣльныхъ представлений на сознаніе. Отъ многихъ сходныхъ воспріятій, по этой теоріи, остается одинъ схематическій образъ. Съ этой точки зрѣнія понятія имѣютъ характеръ общихъ представлений, а общія схематическія представленія отличаются отъ индивидуальныхъ представлений своею неясностью и неопредѣленностью.

Критикуя эти взгляды, Вундтъ задается прежде всего вопросомъ: можно-ли вообще утверждать, что у насъ въ сознаніи существуютъ подобныя неопредѣленныя общія представленія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы слишкомъ привыкли мыслить при помощи словъ, т. е. при помощи звуковыхъ символовъ. Стоитъ намъ подумать, напр., о человѣкѣ, и мы большею частью прежде всего вспоминаемъ звуки слова „человѣкъ“. Для того, чтобы избавиться отъ этого усложняющаго вопросъ обстоятельства, можно постараться припомнить какой-либо предметъ, не вспоминая о словѣ или, по крайней мѣрѣ, обращая на слово какъ можно меньше вниманія. Постараемся, напр., вспомнить не слово обозначающее локомотивъ, а самый предметъ. Тогда мы вспомнимъ нѣкоторый образъ, состоящій изъ воспоминанія зрительныхъ воспріятій, въ соединеніи, быть можетъ, съ воспоминаніемъ звуковъ, издаваемыхъ локомотивомъ, теплотою, имъ испускаемою, и т. п. Но, по справедливому замѣчанію Вундта, возникающій при этомъ въ мысли образъ локомотива ничуть не болѣе смутенъ, чѣмъ тотъ, который возникаетъ, когда мы стараемся думать не о „локомотивѣ вообще“, а о какомъ-либо опредѣленномъ локомотивѣ. Это зависитъ просто отъ того, что образъ „локомотива вообще“ невозможенъ безъ образа какого-нибудь одного опредѣленнаго локомотива. Уже англійскій философъ Беркли давно замѣтилъ, что общія представленія, какъ ихъ когда-то понимали, т. е. вовсе не соединенныя съ какими

либо индивидуальными представлениями, существуют развѣ только у ученыхъ, обыкновенные же люди никакъ не могутъ представить себѣ, напр., такой треугольникъ, который былъ бы ни косоугольнымъ, ни прямоугольнымъ, ни равностороннимъ, ни равнобедреннымъ, но всѣмъ этимъ вмѣстѣ и въ то же время ничѣмъ.

Изъ этихъ вполне справедливыхъ замѣчаній Вундтъ выводитъ, что представленія, замѣняющія собою понятія, всегда бываютъ единичными представленіями какихъ либо предметовъ и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ представлений. Однако, самъ Вундтъ признаетъ различіе между тѣми представленіями, которыя просто соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ чувственнымъ воспріятіямъ, скажемъ, напр., представленіе голубого цвѣта—и представленіями предмета, скажемъ, опредѣленнаго человѣка. Мы представляемъ себѣ опредѣленнаго человѣка, правда, въ данный моментъ, но при этомъ имѣемъ смутную побочную мысль, что этотъ случайный образъ обозначаетъ этого индивида вообще, т. е. независимо отъ данныхъ случайныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Вундтъ долженъ былъ бы согласиться съ тѣмъ, что такая побочная мысль особенно слаба, когда я пытаюсь воспроизвести въ мысли отдѣльное чувственное воспріятіе, напр., именно такой-то голубой цвѣтъ, хотя это, разумѣется, никогда не удастся съ такою живостью чтобы этотъ цвѣтъ представился мнѣ также ясно, какъ непосредственно воспринимаемый. Отсюда мы приходимъ къ слѣдующимъ результатамъ: и тѣ представленія, которыя всего болѣе заслуживаютъ названія единичныхъ, т. е. произведенія отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій, имѣютъ характеръ „смутности“, т. е. менѣе ярки, чѣмъ непосредственныя воспріятія. Если представленіе пріобрѣтаетъ такую живость, какъ напр., при галлюцинаціяхъ, то это уже собственно не представленіе, а воспріятіе, только имѣющее ненормальный источникъ. Но если единичныя представленія „смутны“, то они нисколько не ярче общихъ представлений. Съ другой стороны, въ представленіи отдѣльной *вещи* включается уже побочная мысль о случайности нѣкоторыхъ индивидуальных чертъ и существенности другихъ чертъ, а это выдѣленіе главнаго отъ побочнаго есть уже начало образованія понятій. Тѣмъ не менѣе самый образъ, при этомъ воспоминаемый, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ названія общаго представленія; хотя по смутности онъ ничѣмъ не отличается отъ всякаго иного представленія, т. е. нисколько не болѣе блѣденъ, но въ немъ уже есть элементъ сознанія существенныхъ и несущественныхъ чертъ, т. е. элементъ сознанія типичнаго въ отличіе отъ случайнаго; а такое сознаніе никогда не можетъ быть результатомъ единичнаго представленія, но всегда есть результатъ сравненія, связи, соотношенія между представленіями. Если я видѣлъ какой-либо предметъ, мало похожій на все, что до сихъ поръ мнѣ случалось видѣть, и видѣлъ его только мелькомъ и всего разъ въ жизни, то мое представленіе о немъ не можетъ быть общимъ представленіемъ; я едва смогу въ немъ отличить случайныя черты отъ главныхъ; лишь привычка подобнаго же различенія для другихъ, болѣе знакомыхъ предметовъ, все же заставитъ меня грубо классифицировать его, т. е. поставить его въ числѣ предметовъ, съ которыми онъ представляетъ, на первый взглядъ, то или иное сходство.

Однако, при сколько-нибудь значительномъ знакомствѣ съ предметомъ, я обладаю не только представленіемъ объ его отдѣльныхъ состояніяхъ въ тѣ или иные моменты времени, но и нѣкоторымъ общимъ представленіемъ, состоящимъ изъ итога тѣхъ его свойствъ, которыя, согласно моему опыту, оказываются наиболѣе устойчивыми, наиболѣе существенными. Поэтому едва-ли умѣстно совсѣмъ отбросить терминъ „общія представленія“. Отъ понятій такія представленія отличаются рѣзко тѣмъ, что они сознаются, какъ и всякія иные представленія, т. е., какъ образы, съ тѣмъ лишь различіемъ, что мы сознаемъ въ этихъ образахъ то, что въ нихъ есть случайнаго и то, что мы по произволу можемъ измѣнить, измѣнивъ тѣмъ и самый образъ. Понятіе же само по себѣ не представимо: оно можетъ лишь мыслиться, какъ именно существенная часть общаго представленія; но всякая по-

пытка представить себѣ образъ, точно соответствующій понятію, т. е. попытка отбросить случайныя черты общаго представленія такъ, чтобы представленіе все-таки уцѣлѣло, оказывается психологическою невозможностью. Для насъ „общія представленія“—это тѣ именно представленія, которыя Вундтъ называетъ „замѣстителями понятій“. Если мы представимъ себѣ отдѣльный предметъ въ данный моментъ времени, то мы не можемъ по произволу измѣнить его образъ. Если я представляю себѣ мой письменный столъ, обитый краснымъ сукномъ, имѣющій четыре круглыя ножки, выкрашенный подъ орѣхъ и т. п., то я не могу по произволу представить себѣ этотъ столъ въ то же время и какъ крытый зеленымъ сукномъ и т. п. Однако, я могу составить себѣ „общее представленіе“ объ этомъ моемъ столѣ, независимое отъ случайныхъ его состояній.

Столъ мой останется этимъ же столомъ и въ томъ случаѣ, когда я велю обить его зеленымъ сукномъ и перекрасить въ черный цвѣтъ. Вѣдь, нѣтъ ничего абсолютно постояннаго: собственно говоря, мой столъ всегда измѣняется. Стало быть, если не ограничиться даннымъ моментомъ и выдѣлнить главныя особенности моего стола отъ второстепенныхъ его признаковъ, то я могу представить себѣ мой столъ, хотя и со всѣми его мгновенными случайными признаками, но въ то же время съ полнымъ сознаніемъ „случайности“ нѣкоторыхъ признаковъ.

Я сознаю, что если столъ мой разрубать въ куски или, пожалуй, сожгутъ въ печкѣ, то онъ совсѣмъ утратитъ свою индивидуальность и перестанетъ быть столомъ. Отъ этого далеко отличается простая перекраска или иная несущественная передѣлка. И вотъ, проводя различія между существенными и несущественными признаками стола,—а сознать такіа различія я могу вслѣдствіе продолжительнаго знакомства съ предметами и посвящаемаго имъ интереса,—проводя такіа различія, я тѣмъ самымъ доказываю, что у меня есть общее представленіе, т. е. именно такое, въ которомъ существенныя черты мысленно отдѣлены отъ несущественныхъ. Идеальная комбинація однихъ только существенныхъ чертъ, которую я, однако, могу только мыслить, но никакъ не могу себѣ представить помощью какихъ бы то ни было образовъ, какъ нѣчто отдѣльное,—такая комбинація будетъ уже *понятіемъ* о столѣ. Различіе между индивидуальными представленіями и тѣмъ, что мы называемъ общими представленіями, а Вундтъ—репрезентативными представленіями, состоитъ, стало быть, не въ степени смутности тѣхъ или иныхъ представленій, а въ томъ, что для общаго (или, по Вундту, репрезентативнаго) представленія безразлично, взять-ли въ составъ его тѣ или нѣкоторыя случайныя черты. Когда мы составляемъ себѣ понятіе объ индивидуальномъ предметѣ, напр., объ этомъ моемъ столѣ, то для общаго